

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 323.11+325.1

**Модели этнической политики Норвегии
в губерниях Крайнего Севера***

Котлова Е.С.¹

Аннотация. События последних лет в значительной степени повлияли на политику норвежского государства по отношению к мигрантам. Данная статья рассматривает изменение модели этнической политики Норвегии в условиях увеличивающейся миграции. В центре внимания – губернии Норвегии, входящие в район Крайнего Севера: Финнмарк, Тромс и Нурланд – территории со сложным национальным составом, где государству приходится разграничивать этнонациональную политику в отношении коренного населения и мигрантов, сочетать демократические принципы с нуждами интеграции новых граждан.

Ключевые слова: миграция, северная Норвегия, интеграция, национализм.

**Ethnic policy models of Norway
in the provinces of the Far North***

Kotlova E.S.¹

Abstract. The recent events have largely influenced on the Norwegian state policy towards migrants. The paper presents changes in the ethnic policy model of Norway in terms of increasing migration. The Northern provinces of Norway Finnmark, Troms and Nordland are in the focus of the article. These areas have a complex

ethnic composition; and the state has to distinguish its ethnic political approaches towards indigenous communities (Sami) and migrants to combine democratic principles with the needs of integration of new citizens.

Keywords: migration, northern Norway, integration, nationalism.

¹*Котлова Екатерина Сергеевна, магистр философии в области изучения коренных народов, художественный редактор электронного журнала «Арктика и Север», Арктический центр стратегический исследований, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, 163002, г. Архангельск, Российская Федерация*

Kotlova Ekaterina Sergeevna. Master of Philosophy in Indigenous Peoples Studies, «Arctic and North» journal art editor, the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. Naberezhnaia Severnoj Dviny, 17, 163002, Arkhangelsk, Russian Federation.

E-mail: ekaterina.kotlova@yahoo.com

© **Е.С. Котлова**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда в рамках проекта «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов», № 15-18-00104

*The research was carried out with the financial support of the grant of the Russian Science Foundation in the framework of the project "The Russian Arctic: from conceptualization to an effective model of state ethno-national policy in the conditions of stable development of regions", No. 15-18-00104

Сохраняющийся высокий уровень политической стабильности в Арктике, интенсификация промышленного освоения региона в последние десятилетия, реализация масштабных инфраструктурных проектов в нефтегазовой отрасли, судостроении, транспортных коммуникациях являются факторами высокой миграционной активности населения в Арктическом регионе.

Динамичные миграционные процессы на территориях с суровым климатом и экстремальной хозяйственной деятельностью ведут к изменениям исторически сложившегося этнокультурного ландшафта. Данное обстоятельство создает потенциальную угрозу межэтнической стабильности в районах Крайнего Севера относительно благополучных с точки зрения конфликтного потенциала [1, С. 46].

В настоящее время в актуальной повестке дня стран Арктического региона стоит вопрос о разработке и внедрении эффективной модели этнонациональной политики, позволяющей поддерживать мир и гармонию межэтнических отношений среди представителей народов, работающих и проживающих в стремительно меняющейся Арктике.

Для России при построении собственной модели государственной этнонациональной политики в Арктической зоне Российской Федерации на основе собственного богатого опыта и багажа знаний в этой области, тем не менее, важно опираться на международные исследования соседних приарктических государств в сфере адаптации традиционной модели управления межнациональными отношениями на Крайнем Севере к условиям роста миграционных потоков.

В этом смысле интересен пример северо-западного соседа России — Королевства Норвегии. Губернии Финнмарк, Тромс и Нурланд, относящиеся к районам Крайнего Севера — зоны со сложным этнонациональным составом, где государству приходится разграничивать этнонациональную политику в отношении коренного населения и мигрантов, сочетая демократические принципы с нуждами интеграции новых граждан. Поэтому авторы статьи ставят перед собой задачу проанализировать в исторической ретроспективе модели государственной этнической политики Норвегии, реализуемые в губерниях Крайнего Севера страны, и определить операциональные возможности современной государственной этнической политики Норвегии на Крайнем Севере.

Долгое время норвежское общество не сталкивалось с такой проблемой как миграция. До середины 1970-х гг. иностранная миграция в Норвегии практически отсутствовала. Однако сами норвежцы предпочитали иммигрировать в США и Канаду. На территории Норвегии селились иностранцы (финны, шведы, датчане), которые в культурном отношении не сильно отличались от основной массы населения страны.

К концу XX века ситуация сильно изменилась. Экономические успехи Норвегии, а также появление социального государства сделало страну необычайно привлекательной для мигрантов со всего света. Несколько десятилетий Норвегия получала высокие доходы от добычи нефти и природного газа, продажи технологий и оборудования для данных отраслей. За счет этого удалось сформировать стабилизационный фонд, который позволяет стране поддерживать высокий уровень жизни своих граждан в современных условиях, когда нефтегазовая отрасль испытывает сложности по всему миру. Наряду с повышением уровня жизни население страны продолжает стареть, как и в других странах Европы. Рабочие места норвежских пенсионеров замещаются мигрантами, которые теперь являются одним из столпов норвежской социальной стабильности и одновременно источником новых угроз: роста националистических настроений, проявлений ксенофобии и дискриминации, которые не свойственны для норвежского общества.

Трудовая миграция занимает второе место среди основных причин приезда в Норвегию. Основная масса мигрантов — беженцы и лица, оказавшиеся в стране по программе воссоединения семей (рис. 1). В связи с неспособностью найти себе место на рынке труда многие из них живут исключительно на социальные дотации, которые щедро выплачиваются норвежским государством. Причиной безработицы становится отсутствие образования, часто даже школьного. Кроме того, религиозные убеждения мигрантов из некоторых стран Азии и Африки, как правило, лишают женщин возможностей работать [2].

Первая крупная группа беженцев появилась в Норвегии в 1994 г. с территории бывшей Югославии. Тогда страна приняла больше 11 тысяч боснийцев. Несколько позже стали появляться диаспоры выходцев из Ирака, Афганистана, Сирии и Сомали, а также других государств, где наблюдались политическая нестабильность и военные конфликты. Все эти этнические группы сильно отличались от норвежского населения. Разница культуры, менталитета, религии, образа жизни наложили отпечаток на норвежское общество, которое стало искать способы интеграции новых граждан.

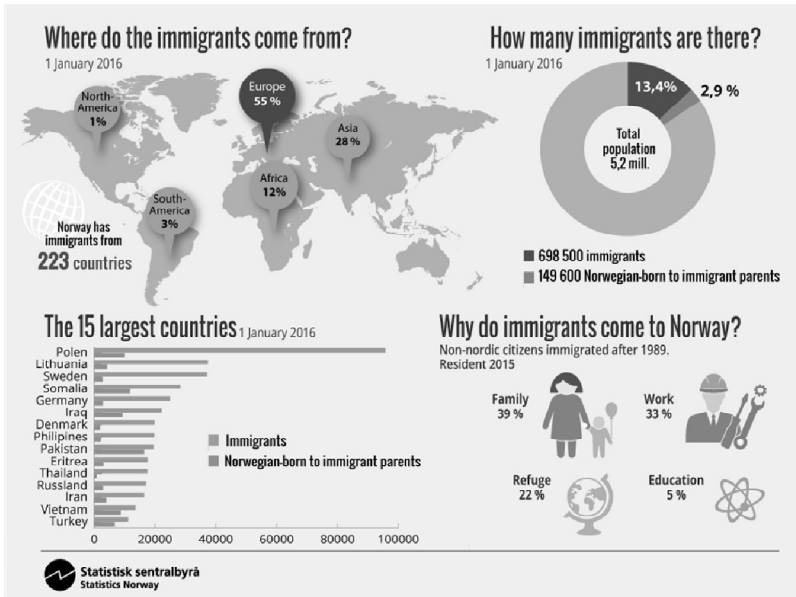

Рисунок 1. Мигранты в Норвегии (на 01.01.2016 г.) / SSB.
URL: www.ssb.no/en/innvandring-og-innvandrere/nokkeltall/immigration-and-immigrants (дата обращения: 10.07.2016)

За последние три десятилетия национальный состав жителей Норвегии очень сильно изменился, пополнившись мигрантами не только из уже упомянутых стран, но и из других частей света. При составлении отчетов о численности мигрантов Норвежское статистическое бюро (*Statistisk Sentralbyrå*) к их числу относит лиц, родившихся за пределами Норвегии, а также их детей. В 2002 году 6,9 % населения Норвегии – мигранты, а к 2016 году их численность выросла до 16,3 % (включая мигрантов второго поколения, проживающих на территории страны) (рис.1).

На сегодняшний день в норвежском обществе можно наблюдать разные процессы: аккультурацию, проявления ассимиляции, сегрегации и национализма, а также интеграционную политику под знаменем мультикультурализма, последовательно отстаиваемую норвежским правительством (1). Усиливающийся поток миграции ставит новые задачи перед государством, заставляет реагировать на современные вызовы,

трансформировать этническую политику (2), исходя из возможностей, предложенных этими политическими моделями.

Модели этнической политики на Крайнем Севере Норвегии

Сложность этнонациональной политики на Крайнем Севере Норвегии обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, сложным национальным составом населения. На территории северных губерний проживают коренные народы (саамы) и разнообразные группы мигрантов. В данной ситуации модель этнической политики требует дифференцированного подхода в силу того, что для одних (коренных народов) эти земли всегда были и остаются их домом, а для других – местом, где они проживают добровольно, выбрав Норвегию в качестве своего нового жилища. Одни испытали на себе колонизацию, а другие сменили место жительства, имея выбор страны. Общим для них остается тот факт, что им не удалось полностью избежать влияния ассимиляции, сегрегации и мультикультурализма. В то же время коренные народы и мигранты оказались действующими лицами процесса аккультурации и изменили норвежское общество. Задачей государства стало создание, поддержание такой политической модели, которая бы максимально отвечала интересам и тех, и других.

Вторым фактором, влияющим на этнонациональную политику, можно считать этническую, социальную, конфессиональную, возрастную и образовательную неоднородность самих мигрантов и разную степень интегрированности в норвежское общество. Процесс интеграции легче проходят мигранты из Европы, культура и стиль жизни которых не сильно отличаются от норвежского. Сложнее обстоит дело с мигрантами из стран Азии, Ближнего Востока, Африки, приезжающих в страну без знания норвежского и английского языков, а также без образования и с совершенно иными традициями, религией, стилем жизни. Пройдя через систему адаптации, созданную для мигрантов в Норвегии, не все могут найти себя в новых условиях, принять действующие социальные нормы и поэтому предпочитают жить обособленно, общаясь внутри своей диаспоры. Очень часто, не найдя работы или будучи не удовлетворенными своим социальным положением, даже несмотря на значительную поддержку со стороны

государства, мигранты оказываются вовлечены в криминальную деятельность [2, pp.107–217].

В-третьих, норвежская программа адаптации мигрантов (3) подразумевает их расселение на территориях с низкой плотностью населения, в основном на Крайнем Севере страны. Опыт новой жизни становится психологически тяжелым для бывших жителей южных регионов земного шара и порождает разного рода девиации.

Учитывая эти три фактора, этнонациональная политика в отношении мигрантов на Крайнем Севере Норвегии выстраивается, исходя из задачи их интеграции при частичной ассимиляции и аккультурации.

Термин «*аккультурация*» был впервые использован немецким этнографом В. Крикенбергом в начале XX века. Аккультурация как процесс изначально связывалась с миграцией, а также контактами традиционных культур и индустриального общества. Аккультурация воспринималась как результат определенной культурной диффузии, когда элементы культур одной группы проникают в культуру другой. Например, популярная в Норвегии восточная кухня, появившаяся с прибытием мигрантов с востока, стала частью жизни рядового норвежца. Именно в таком виде этот термин предстает в работах Р. Турнвальда и американских антропологов середины XX века. Уровни аккультурации (индивидуальный и коллективный) были осмыслены еще в 1960-х гг. Т. Грейвсом, а их теоретическая разработка продолжается до сих пор [3, С. 62–73]. В контексте северной Норвегии мы говорим лишь о коллективной аккультурации, т.е. восприятию элементов культуры определенными этническими группами. Долгое время аккультурация понималась как односторонний процесс: как влияние мигрантов на принимающее сообщество. Однако современные социально-политические науки видят аккультурацию в качестве обмена, взаимного восприятия и усвоения отдельных элементов взаимодействующими культурами.

На севере Норвегии аккультурация, несомненно, имеет место. С одной стороны, появляются новые, ранее не характерные элементы культуры принимающего сообщества, т.е. норвежцев: предметы быта, изменения в стиле жизни, определенные привычки. Например, использование китайских палочек для еды, всевозможных казанов для приготовления

пищи, посещения кафе, ресторанов с восточной кухней, увлечение йогой, медитацией и соответствующими центрами, которые найдутся практически в каждом городке на Севере Норвегии, как, впрочем, и везде в мире, где проживают выходцы с Востока. Нередко на улицах северных городков можно встретить женщин в платках и длинных одеждах или слишком загорелого для потомка викингов норвежца, идентифицирующего себя как коренного жителя страны. Таких примеров множество.

Один из самых ярких примеров аккультурации — северо-норвежская губерния Финнмарк с самым высоким показателем миграции в Баренцевом регионе: на 1000 жителей — 111,77 мигрантов (4). Большую часть мигрантов составляют выходцы из России. Примерно 38 % россиян, иммигрировавших в Норвегию, предпочли остаться на севере (5). Российские лица, русская речь, названия улиц, традиции популярны в этой губернии Норвегии и его главном городе Киркенесе. Причиной тому стали близость русско-норвежской границы и давние тесные торгово-экономические отношения этих территорий, где сложилась своя пограничная культура, сочетающая в себе норвежское, русское и саамское начала — результат столетних процессов аккультурации, взаимопроникновения культур [4, С. 519–535; С. 71–84].

С другой стороны, мигранты усваивают элементы культуры, характерные для жителей Норвегии. Знакомству с культурой принимающего сообщества способствует не только сам факт нахождения в стране, личный опыт, но и социальные институты, которые занимаются вопросами миграции и предоставляют услуги населению (6): специальные курсы для мигрантов, рассказывающие о традициях и истории страны, система обучения, в том числе и норвежскому языку для иностранцев, социальные центры и службы помощи мигрантам разной категории и пр. В то же время сама система и уклад жизни заставляют приезжих приспосабливаться, менять привычки и стиль жизни, перенимая все больше «норвежского». В этом случае можно говорить о политике *ассимиляции*.

Изучение ассимиляции мигрантов начинается в первые десятилетия XX века в США. Представители Чикагской социологической школы (Р. Паркс, Э. Бёрджесс и др.), изучая мигрантов, заложили основы для теоретической разработки механизма ассимиляции, который, с их точки зрения, начинался

со знакомства с принимающей культурой, бунта против нее, попытки аккомодации и далее ассимиляции, когда человек вынужден принять часть культуры большинства, заместив при этом аналогичные элементы своей культуры. Некоторые исследователи XX века (М. Гордон) считали аккультурацию первым этапом ассимиляции. В 1980-х появилась теория сегментарной ассимиляции (А. Портес и Р. Румбо), которая отстаивала идею о частичной ассимиляции, затрагивающей отдельные сегменты жизни людей, необходимые только для жизни и успеха [3]. Во многом степень ассимиляции человека зависит от его личных качеств и домиграционного статуса. Теория сегментарной ассимиляции была очень популярна на протяжении 1990-х и 2000-х, так как объясняла различное положение мигрантов в принимающих сообществах.

Современная ассимиляционная политика в западных странах не является чем-то насильственным, как это было, например, в период создания национальных государств в Европе середины XVII–XIX вв. Однако элементы мягкого принуждения присутствуют. Без знания языка, социальных норм и принятых правил поведения в обществе принимающей страны сложно найти работу, общаться с людьми и завести друзей. Живя в другом государстве, человек подпадает под действие местных законов, многие из которых могут противоречить законам родной страны. Например, семейное законодательство и ювенальная юстиция Норвегии (Barnevernet) часто становятся проблемой для русских семей. Так, в 2014 году из русской семьи в Тромсё забрали ребенка по причине выпавшего случайно молочного зуба (7). Уже несколько лет родители пытаются вернуть своего сына домой.

Несмотря на определенные трудности, Норвегия до сих пор остаётся одной из самых привлекательных стран для мигрантов. Об этом свидетельствует статистика (таб. 1): чуть больше 16 % населения страны – мигранты первого или второго поколений (рис. 1).

Таблица 1

Общее количество мигрантов в Норвегии

	2016	2015	2011	2006
Население	5 223 256 (1 кв. 2016)	5 176 998	4 937 256	4 649 302
Иммигранты и норвежцы,	848 207 (01.01.2016)	804 963	600 922	386 699

родившиеся в семьях иммигрантов				
Иммигранты	698 550 (01.01.2016)	669 380	500 500	318 514

По материалам Норвежского статистического бюро SSB/
URL: www.ssb.no/en/befolkning/statistikker/innvbef
(дата обращения: 01.07.2016)

Среди норвежских мигрантов больше квалифицированных рабочих, чем среди мигрантов других северных стран. Власти Норвегии используют иммиграцию в целях поддержки территорий Крайнего Севера. Именно в северные губернии, в небольшие коммуны переселяют беженцев, гарантируя им социальную поддержку, работу и жилье, и где за последние 10 лет (2006–2016 гг.) количество мигрантов постоянно возрастало (рис. 2). Особенно сильно рост численности мигрантов заметен в Финнмарке. Частично это объясняется привлекательностью данной губернии Норвегии для россиян, живущих по другую сторону границы. Статистические исследования свидетельствуют о том, что значительная часть российских мигрантов предпочитают оставаться на севере.

Помимо россиян губерния Финнмарк популярна среди выходцев из Литвы, Финляндии, Польши, Сомали и Таиланда (таб. 2)

Таблица 2

**Мигранты губернии Финнмарк
(группы численностью свыше 100 чел.)**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Дания	139	136	141	150	151	161	163
Финляндия	865	859	851	873	877	870	840
Исландия	65	97	135	167	147	166	164
Швеция	329	360	380	389	402	399	377
Болгария	7	7	18	34	61	77	104
Эстония	38	82	111	151	200	253	276
Германия	171	203	209	205	214	219	233
Латвия	69	108	196	274	334	386	393
Литва	167	287	449	612	767	858	914
Польша	338	395	500	581	655	725	780
Россия	981	1 035	1 024	1 055	1 053	1 044	1 030
Украина	79	93	101	120	131	135	143

Эритрея	24	34	63	82	161	199	236
Сомали	245	234	259	368	390	411	445
Афганистан	171	221	249	271	274	274	269
Бутан	72	79	84	112	112	110	110
Ирак	141	135	136	129	125	113	101
Филиппины	109	122	162	198	215	235	255
Сирия	15	15	12	15	31	101	224
Таиланд	240	283	311	353	379	392	407

По материалам Норвежского статистического бюро SSB/
URL: www.ssb.no/statistikkbanken/SelectTable/hovedtabellHjem.asp?KortNavnWeb=innvbef&CMSSubjectArea=befolkning&StatVariant=&PLanguage (дата обращения: 01.07.2016)

Особенно сильно ассимиляции подвергаются мигранты, оказавшиеся в небольших локальных сообществах, таких как немногочисленные северные коммуны Норвегии, где основная масса населения – норвежцы и саамы, а шансы встретить земляка и общаться на родном языке малы или сведены к нулю. Кроме того, немаловажное значение имеет климат: влажный сырой воздух, холод и полярная ночь. Мигранты с юга подобные климатические условия воспринимают тяжело физически и психологически. В такой ситуации остается выбор: или принимать сложившуюся ситуацию, или уезжать. Поквартальная статистика за 2013–2016 гг. (табл. 3) свидетельствует о численном колебании количества мигрантов в течение года в губерниях Крайнего Севера. Увеличение количества мигрантов приходится на период начала учебных семестров и проведения летних школ. Количество мигрантов стабильно падает в 4 квартале, когда на север приходит полярная ночь.

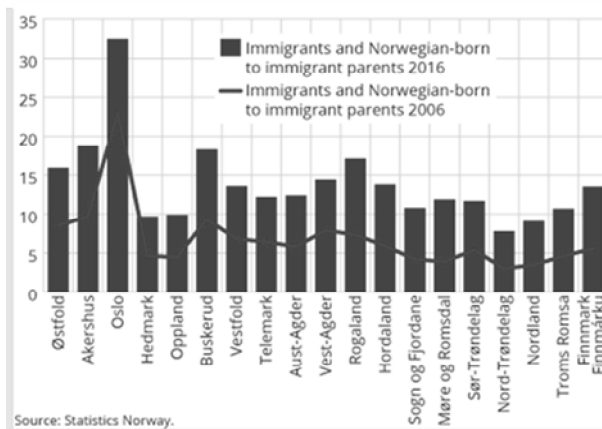

Рисунок 2. Динамика численности мигрантов в губерниях Норвегии 01.01.2006 г. – 01.01.2016 г. (Нурланд, Тромс, Финнмарк – крайние справа) / Норвежское статистическое бюро SSB. URL: www.ssb.no/en/innvandring-og-innvandrer/nokkeltall/immigration-and-immigrants (дата обращения: 01.07. 2016)

Таблица 3
Поквартальное количество мигрантов губерний Крайнего Севера Норвегии 2013–2016 гг. (чел.)

	2013 кв.4	2014 кв.1	2014 кв.2	2014 кв.3	2014 кв.4	2015 кв.1	2015 кв.2	2015 кв.3	2015 кв.4
Нурланд	797	794	599	832	679	737	656	953	737
Тромс	581	628	493	691	659	599	535	759	584
Финнмарк	368	333	276	402	312	336	295	411	292

Источник: Норвежское статистическое бюро SSB. URL: www.ssb.no/statistikkbanken/SelectTable/hovedtabellHjem.asp?KortNavnWeb=innvbef&CMSSubjectArea=befolkning&StatVariant=&PLanguage=1&checked=true (дата обращения: 01.07. 2016)

Мигранты предпочитают большие города Норвегии, расположенные южнее, где лучше климат, более развита инфраструктура, легче найти подходящую работу, больше шансов встретить земляков, завести друзей, социально адаптироваться. Самый активный рост количества мигрантов за последние 10 лет произошел на юге страны в экономически более развитых территориях, а в столице – городе Осло он побил все рекорды (рис. 2). Однако, прожив сначала в небольших городках и коммунах на севере, пройдя программу адаптации, познакомившись с культурой и социальной сферой страны, приобретя свой опыт взаимодействия с местным сообществом, иммигрант получает возможности и инструменты для интеграции, а также право выбора в их использовании. Таким образом, чем активнее и больше иммигрант интегрируется (а в небольших сообществах деваться зачастую некуда, т.к. приходится выбирать из того, что предоставлено жизнью), тем выше его личная степень заинтересованности в проживании в данной стране, тем выше степень его ассимиляции. В этой ситуации норвежское общество и государство мягко и зачастую ненавязчиво предоставляют все необходимые возможности.

Еще одной моделью этнонациональной политики стала *сегрегация*. Мысли о сегрегации невольно напоминают об афроамериканцах и их нелегкой жизни до 1960-х гг. или апартеид в ЮАР. Однако, современные этнонациональные отношения не лишены элементов сегрегации. Под термином «сегрегация» обычно имеют в виду насильственное отделение одной нации, этнической или иной группы от другой, зачастую сопряженное с дискриминацией этой же группы [7, pp. 127–195]. В современном мире, признавшем главенство демократии, равенства и права человека, такое недопустимо. Однако элементы сегрегации до сих пор существуют. Причем их существование не всегда инициировано этническим большинством или политикой государства. Зачастую группы мигрантов сами ограничивают свои контакты и взаимодействие с этническим большинством или другими сообществами мигрантов. Основная причина — неспособность или нежелание определенной группы интегрироваться в силу тех или иных обстоятельств.

Еще в 2010 г. Норвежский институт урбанистических и региональных исследований (Norwegian Institute for Urban and Regional Research), а также Университет г. Осло (University of

Oslo) при поддержке программы NORFACE по изучению миграции опубликовали отчет о состоянии социального государства, обеспеченности жильем, политике интеграции [7]. Исследователи отмечали, что многие мигранты с азиатскими корнями отличаются низкой степенью интегрированности в норвежское общество, даже в случае длительного пребывания в Норвегии [7, р. 64]. Ярким примером некоторой обособленности азиатских культур в Норвегии может стать диаспора тайцев в г. Тромсё (губерния Тромс), где множество тайских ресторанов, парикмахерская, массажный салон, ежегодный летний тайский фестиваль, частые концерты тайских деятелей искусств и пр. Все эти заведения и мероприятия в основном посещаются тайцами или же не тайскими членами их семей, которые стремятся воссоздать культурную среду своей страны на новой родине. Этот факт не означает, что тайская диаспора полностью отгораживается от норвежской культуры или культур других мигрантов или диаспор. На практике это выглядит, как попытка совместить свою культуру с культурой принимающего сообщества: диаспора открыта для контакта, но для тех, кто заинтересован или знаком с тайской культурой, т.е. определенная степень замкнутости и отгораживания все равно существует.

Другим примером может послужить курдская диаспора в г. Будё (губерния Нурланд). Представители диаспоры сохраняют тесные контакты со своей родиной, ревностно относятся к сохранению религии и традиционного стиля жизни, хотя и позволяют себе некоторые отклонения от канонов в условиях Норвегии. Общение происходит преимущественно внутри диаспоры зачастую по семейно-родственному принципу, что характерно для диаспор выходцев с Ближнего Востока, Азии и Африки.

Элементы сегрегации были замечены авторами упомянутого отчета на рынке съемного жилья. Мигрантам из некоторых стран сложно снять или купить жилье в определенных районах городов [7, р.65]. Таким образом, мигранты начинают проживать компактно, что менее заметно на севере, но отчетливо видно в столице Норвегии.

Более 35 лет назад в Европе и Северной Америке стала применяться политика *мультикультурализма*, основанная преимущественно на идеях равенства культур, либеральном национализме и интеграции. Мультикультурализм с момента

своего появления разделил научное сообщество на его сторонников и противников. По сути, данное понятие означает высокий уровень толерантности: общество признает наличие других этнических групп и культур и не допускает дискриминации по отношению к ним, и группы имеют возможность быть вовлеченными в социальную жизнь страны, обладают широкими политическими правами и равными возможностями сохранять свои традиции и культуру. Если верить У. Кумлике [8], то целью мультикультурализма не является ассимиляция других культур. Однако на практике мы видим совершенно иную ситуацию: в политике государства на севере страны элементы ассимиляции присутствуют, равно как и элементы сегрегации. Парадоксальным образом постулаты мультикультурализма несут в себе предпосылки для роста национализма. Интегрируя другую этническую группу, невольно придется следовать парадигме «свой – чужой», чтобы оправдать специальные меры интеграции, т.е. существование программ, организаций, их финансирование, мотивацию общественного мнения на толерантное отношение к этой группе людей и пр. Таким образом, принимающее сообщество распознает «чужого» и старается принять его, интегрировать, предоставить возможности для сохранения его культуры и быть включенным в политическую, экономическую и социальную сферы, руководствуясь прежде всего отличиями конкретной группы людей, а не общностью с принимающим сообществом. Подчеркивая различия, нельзя ожидать, что все члены принимающего сообщества будут согласны на наличие «чужих» элементов и их интеграцию, даже учитывая веские аргументы. Таким образом, при политике мультикультурализма Норвегии не удастся полностью избежать недовольства, проявлений национализма, а также неонацистской деятельности А. Брейвика, В. Викернеса и др.

Миграционное законодательство Норвегии: взгляд с севера

В 2015 г. значительное количество сирийских беженцев попало в Норвегию через границу с Россией, преодолев ее на велосипедах. Тогда норвежское правительство заявило, что отправит их обратно. Реакция была резко отрицательной: протесты и голодовки. Однако поток беженцев через границу с

Россией прекратился, а центр приема беженцев в Киркенесе (губерния Финнмарк) не так давно полностью закрыли (8).

С начала 2016 г. норвежские власти и общество дискутируют на тему изменения иммиграционного законодательства относительно беженцев, у которых нет оснований для получения убежища в Норвегии. Полиция требует предоставить ей право отказывать во въезде прямо на границе страны после рассмотрения прошения об убежище, дожидаться которого нужно будет по другую сторону границы (9). Сначала речь шла только о границе с Россией – Мурманской области и норвежской губернии Финнмарк. В итоге власти приняли решение отказывать беженцам, прибывающим из стран зоны низкой конфликтности, а также беженцам, прожившим длительное время на территории другого государства в ожидании решения о предоставлении убежища. Последнее условие согласуется с международными нормами, предусмотренными Конвенцией ООН о статусе беженцев (10). Таким образом, удалось пресечь поток беженцев из Сирии через другие страны. Норвегия официально согласилась принять только то количество сирийских мигрантов, которого требовала ее квота согласно международным договоренностям.

В начале июня 2016 г. в Норвежском Парламенте состоялось голосование о принятии поправок в «Закон об иностранцах». Пакет поправок был разработан партией «Хёйре» и Партией Прогресса. Основные положения сводились к следующему:

- Для воссоединения с семьёй проситель убежища должен в течение 3-х лет работать или учиться в Норвегии, а также обладать достаточным количеством денежных средств для содержания семьи в Норвегии.

- Проситель убежища должен прожить в Норвегии 5 лет перед подачей прошения о постоянном виде на жительство, а также обязан иметь постоянную работу в течение 1 года.

- Проситель убежища имеет право вступить в брак в Норвегии только по достижении обоими супругами возраста 24 лет (11).

Парламент проголосовал против большинства поправок: для воссоединения семьи беженцу не надо учиться или работать в течение 3-х лет на территории Норвегии; не принято увеличение суммы годового дохода при подаче заявления о

воссоединении семьи; постоянный вид на жительство можно, как и прежде, получить после 3-х лет пребывания в стране [9].

Дебатам о мигрантах предшествовал миграционный кризис, который разразился на севере Норвегии. Осенью 2015 г. полиции Финнмарка пришлось организовывать охрану и защиту границы от нелегальной миграции с территории России, разворачивать пункты приема беженцев, обеспечивать их размещение, питание, медицинскую помощь, рассмотрение документов и прочее. Местные жители опасались таких же криминальных происшествий, как в других странах ЕС, принимавших беженцев. Обстановка накалялась. Лагеря временного содержания в Финнмарке заполнялись, аналогичная ситуация складывалась в провинциях Нурланд и Тромс. Ситуация была такова, что количество мигрантов угрожало превысить население г. Киркенес. Норвегия ожидала более 25 тысяч заявлений на предоставление убежища уже к концу года. Миграционный кризис привел к ужесточению правил получения разрешения на пребывание в стране, а также всей миграционной политики в целом.

Изменения в миграционном законодательстве коснулись и других групп мигрантов. Источниками мигрантов на севере страны становятся не только беженцы, но и люди, приехавшие учиться или работать. На территории Нурланда, Тромса и Финнмарка располагаются крупные учебные заведения со значительным количеством иностранных студентов: UIT – Норвежский Арктический Университет и Университет Нурланда, а также несколько специализированных колледжей, принимающих иностранных студентов (таб. 4), которые в значительной степени влияют на интернациональный состав северных коммун, а также являются потенциальным источником будущих иммигрантов.

Таблица 4
Иностранные студенты в университетах Крайнего Севера Норвегии в 2012–2016 гг. (чел).

Университеты	2012	2013	2014	2015	2016
Universitetet i Nordland (Nord University)	583,30	684,00	602,00	609,00	897,28

Universitetet i Tromso (Norges arktiske universitet)	736,98	843,84	1 318,82	1 259,57	1 617,88
Всего:	1320,28	1527,84	1920,82	1868,57	2515,16

Источник: NSD: DBH: Studentrapporter: Utenlandske studenter i Norge. URL: dbh.nsd.uib.no/dbhvev/student/utenlandske_rapport.cfm (дата обращения: 18.07.2016)

В настоящее время образованному мигранту легче получить постоянный вид на жительство, если он обучался в Норвегии. Если мигрант востребован на рынке труда Норвегии и имеет контракт с условием полного рабочего дня, то ситуация аналогичная. Преимуществом является знание норвежского языка. В условиях низких цен на нефть и роста безработицы страна заинтересована в квалифицированных мигрантах в отдельных секторах экономики, где существует нехватка норвежских специалистов (12).

Сложно тем, кто планирует остаться в северных губерниях Норвегии с более низкой плотностью населения, чем на юге страны, и с меньшими возможностями для трудоустройства, особенно сейчас, когда Норвегия испытывает экономические проблемы, не сильно влияющие на жизнь и благосостояние граждан, но заставляющие и государство, и компании перейти в режим экономии и рационального использования средств и ресурсов, в том числе трудовых.

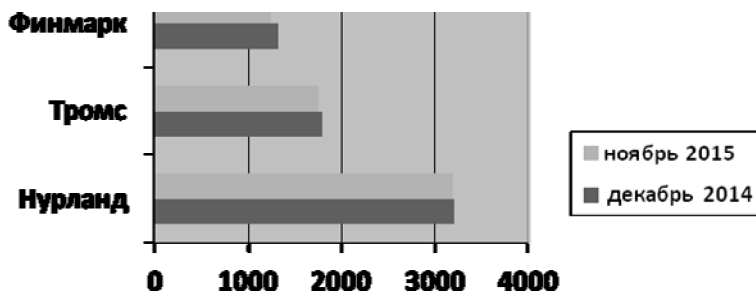

Рисунок 3 Уровень безработицы губерний Крайнего Севера Норвегии в декабре 2014 г. и ноябре 2015 г. по данным Норвежского статистического бюро SSB. URL: www.ssb.no/en/ (дата обращения: 01.07. 2016)

Уровень безработицы в стране вырос среди норвежцев и мигрантов в целом по стране, однако на севере ситуация пока еще не сильно изменилась (рис. 3). Как показывает статистика (табл. 5), рост безработицы в первом квартале 2016 г. по сравнению с предыдущим исчисляется десятками долями процента как среди мигрантов, так и среди норвежцев трудоспособного возраста. Наибольший рост безработицы среди норвежского населения зафиксирован в губернии Финнмарк. Такая ситуация характерна для всей Норвегии и связана с проблемами нефтяного сектора и сопряженных отраслей промышленности (13). Рост безработицы среди мигрантов в Финнмарке также, как в Тромсе и Нурланде, не превышает 0,5 %.

Таблица 5

Поквартальное соотношение количества безработных к общему числу трудоспособного населения в губерниях Нурланд, Тромс и Финнмарк (в %)

Год, квартал/ Губерния	2015 кв. 1	2015 кв. 2	2015 кв. 3	2015 кв. 4	2016 кв. 1
Нурланд					
Всего	3,0	2,5	2,8	2,6	2,8
Норвежцы	2,5	2,1	2,4	2,1	2,4
Иммигранты	8,2	6,9	7,3	6,7	6,9
Тромс					
Всего	2,2	2,0	2,4	2,0	2,2
Норвежцы	2,0	1,7	2,1	1,7	2,0
Иммигранты	4,7	4,3	4,7	4,0	4,5
Финнмарк					
Всего	3,8	3,3	3,8	3,1	3,6
Норвежцы	3,0	2,6	3,0	2,5	3,2
Иммигранты	8,8	7,4	8,4	6,1	6,3

Источник: Норвежское статистическое бюро SSB. URL: www.ssb.no/statistikkbanken/SelectTable/hovedtabellHjem.asp?KortNavnWeb=innvbef&CMSSubjectArea=befolkning&StatVariant=&PLanguage=1&checked=true (дата обращения: 01.07. 2016)

В 2015 г. был проведен опрос общественного мнения с целью выявить отношение граждан страны к мигрантам (таб. 6.)

Показательно, что 44 % опрошенных ответили «согласен» или «полностью согласен» на вопрос о том, стоит ли мигрантам быть похожими на норвежцев. 40 % ответили отрицательно, а остальные не определились со своей позицией по этому вопросу. Таким образом, общество фактически сомневается в пользе мультикультурализма, а значительная его часть признает необходимость ассимиляции мигрантов, хотя и считает, что мигранты культурно обогащают Норвегию (71 %) и не должны быть дискриминированы на рынке труда (87 %).

Таблица 6

Отношение к мигрантам в Норвегии (2015 г.) в %

Утверждение	Полностью согласен	Согласен	Не согласен	Полностью не согласен
Иммигранты важны для рынка рабочей силы Норвегии	30	42	7	3
Большинство иммигрантов злоупотребляют системой социальных гарантий	8	17	32	20
Большинство иммигрантов культурно обогащают Норвегию	36	35	8	6
Большинство иммигрантов являются причиной социальной нестабильности в Норвегии	7	19	30	27
Все иммигранты должны иметь равные права с норвежцами при устройстве на работу	66	21	5	3

Иммигрантам стоит стать как можно более похожими на норвежцев	21	23	25	15
--	----	----	----	----

Источник: Норвежское статистическое бюро SSB
 URL: www.ssb.no/statistikkbanken/selectvarval/saveselections.asp
 (дата обращения: 10.06.2016)

Так, практика классического мультикультурализма в Норвегии ушла в прошлое. Обществу и государству приходится реагировать на внутренние и внешние вызовы, ограничивать миграционные потоки, чтобы предотвратить не только экономические трудности, сопряженные с интеграцией мигрантов, но и растущее недовольство собственных граждан, которое открыто проявлялось еще с 2011 г. (дело А. Брейвика), на последних парламентских выборах, где победили представители от правых и центра, а также во время дебатов о мигрантах 2015 г.

Полезен ли опыт норвежской интеграционной политики для России?

Не смотря на трудности и необходимость изменения этнической политики Норвегии, опыт нашего скандинавского соседа чрезвычайно полезен. Прежде всего, это опыт интеграционной политики, представленной не только либеральным миграционным законодательством, но и обширной системой адаптации мигрантов, которая позволяет многим мигрантам выучить язык, познакомиться с историей страны, понять, как работают социальные, политические и экономические институты. Кроме того, приехавший мигрант получает возможность для дальнейшего социально-экономического роста и поиска достойного места в жизни, которое одновременно устроит его и экономику принимающей стороны.

Положительным в этнонациональной политике Норвегии является тот факт, что государство способствует квалифицированной миграции. Привлечение образованных мигрантов движет экономику Норвегии вперед. России же для осуществления данной задачи необходимо преодолеть ряд

системных проблем, стать более экономически привлекательной страной для высококвалифицированных мигрантов.

Однако у России есть определенные преимущества. В Норвегии, как и в других странах Западной Европы, не так просто интегрировать выходцев из Азии и Африки в силу разницы религии и культуры с принимающим сообществом. Кроме того, при всей разработанности системы интеграции не удастся до конца победить две основные проблемы: культурную несовместимость мигрантов и коренного населения страны, а также высокую степень криминализации мигрантской среды.

Национальный состав России намного сложнее этнической композиции Норвегии, что добавляет свои проблемы для каждого из регионов и одновременно открывает возможности для более успешной интеграции мигрантов. Россия многонациональна и многоконфессиональна. К примеру, мигрантам из исламских стран было бы легче интегрироваться в регионах, где проживают люди того же вероисповедания, с похожей культурой и образом жизни. Но как выстроить систему аккомодации мигрантов так, чтобы не подорвать хрупкое социальное и этническое равновесие регионов, где и без внешней миграции наблюдаются сложные этнические процессы и очаги потенциальных конфликтов? Как видно из опыта Норвегии, либерализм в отношении миграции не до конца решает эту проблему, а миграция как таковая требует контроля и регулирования.

Позитивным моментом остается высокий уровень толерантности по отношению к другим культурам в Норвегии. Толерантность в этой стране представляет собой один из основных принципов, на основе которого существует и поддерживается социальная система. Принципы добрососедства разных народов внутри одного государства приводятся в жизнь через социальную систему, образование, СМИ, что на практике позволяет снизить этнонациональную конфликтность.

Воспользоваться опытом Норвегии можно преимущественно, когда дело касается мигрантов из других стран. Весьма эффективна норвежская система обучения мигрантов, а также программы по их интеграции. Так, политика мультикультурализма и экономические интересы работают на благо норвежского общества и государства. России пока сложно предложить что-то подобное по причине системных проблем,

которые испытывает страна в настоящий момент. Однако на долгосрочную перспективу можно было бы продумать механизмы реформирования миграционной системы с учетом потребностей экономики.

Этническая политика на Крайнем Севере современной Норвегии разрабатывается на основах и принципах мультикультурализма, трансформирующегося под натиском новых внутренних и внешних вызовов. Как таковая модель этнонациональной политики выстраивается на двух уровнях: по отношению к коренному населению и по отношению к мигрантам. Такой дифференцированный подход объясняется, прежде всего, тем, что коренной народ, проживающий на территории современной Норвегии, жил здесь столетиями. Именно поэтому саамы в Норвегии пользуются большими правами и свободами, нежели мигранты.

Мигранты в Норвегии так же, как и коренное население, представлены в социальной и политической сфере, пользуются правом сохранять и развивать свою культуру. Государство способствует их интеграции в норвежское общество через развитую систему социально-культурной адаптации. Однако по отношению к саамам общество больше обеспокоено ревитализацией их культуры, а в отношении мигрантов – интеграцией, несущей в себе элементы ассимиляции.

Элементы ассимиляционной политики оправдываются культурной полярностью мигрантов и принимающего сообщества, т.е. ассимиляция в какой-то степени необходима, чтобы вновь прибывший смог жить в норвежском обществе и понимать, как устроен мир вокруг него. Для аккомодации мигрантов, особенно беженцев, часто выбирают северные регионы страны с низкой плотностью населения и не столь многонациональным составом коммун и поселений. Однако и в северных губерниях существуют примеры, когда интеграционная политика и мягкая ассимиляция не дают ожидаемого результата, а их место занимает модель сегрегации, инициированная самой группой мигрантов, не желающей или не способной к интеграции.

Примечания

1. From reception centre to the labour market – an effective integration policy / Norwegian Government official page. URL:

www.regjeringen.no/en/dokumenter/meld.-st.-30-0152016/id2499847 (дата обращения: 03.08.2016); Immigration Act / Norwegian Government official page. URL: www.regjeringen.no/en/dokumenter/immigration-act/id585772/ (дата обращения: 03.08.2016)

2. Endringer i utlendingsloven – midlertidig arbeidstillatelse. 14.07.2016 / Den norske offentlige informasjonstjenesten Regjeringen.no. URL: www.regjeringen.no/no/dokumenter/horing---endringer-i-utlendingsloven---midlertidig-arbeidstillatelse/id2507749/ (дата обращения: 03.08.2016) ;Horing om forslag til ny bestemmelse utlendingsforskriften § 18–14 – vilkar for fengselsstraff for ulovlig opphold. 13.07.2016 / Den norske offentlige informasjonstjenesten Regjeringen.no. URL: www.regjeringen.no/no/dokumenter/horing-om-forslag-til-ny-bestemmelse-utlendingsforskriften--18-14--vilkar-for-fengselsstraff-for-ulovlig-opphold/id2507862/ (дата обращения: 03.08.2016); Horing om forslag til endringer i trygderegelverket i lys av asylsokersituasjonen. 04.07.2016 / Den norske offentlige informasjonstjenesten Regjeringen.no. URL: www.regjeringen.no/no/dokumenter/horing-om-forslag-til-endringer-i-trygderegelverket-i-lys-av-asylsokersituasjonen/id2506964/ (дата обращения: 03.08.2016)

3. Lov om introduksjonsordning og norskoppl?ring for nyankomne innvandrere. LOV-2015-12-18-108 fra 01.01.2016 / LOVDATA.no. URL: www.lovdata.no/dokument/NL/lov/2003-07-04-80?q=introduksjonsloven (дата обращения: 03.08.2016)

4. 38 % of Russian immigrants in Norway live in the North // Barents Observer. 31.07.2015. URL: www.barentsobserver.com/ru/node/29113 (дата обращения: 01.06.2016)

5. Там же.

6. Services available and recommended to immigrants / Samfunnskunnskap.no. URL: www.samfunnskunnskap.no/?page_id=9912&lang=en (дата обращения: 03.08.2016)

7. Орлов П. Сага о молочном зубе // Труд. № 147. 17 октября 2014г. URL: www.trud.ru/article/17-10-2014/1318609_saga_o_molochnom_zube.html (дата обращения: 10.06.2016)

8. В Норвегии закрылся центр для беженцев. URL: www.islamisemya.com/aktualno/aktualno/novosti/12554-v-norvegii-zakrylsya-tsentr-dlya-bezhentsev (дата обращения: 16.07.2016)

9. Норвежская полиция хочет получить право закрывать границу с Россией // РИА Новости. URL:

www.ria.ru/world/20160210/1372558464.html#ixzz4EhilGCLI (дата обращения: 15.04.2016)

10. Конвенция ООН о статусе беженцев. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 15.04.2016)

11. Slik vil regjeringen stramme inn asylpolitikken // NRK. 05.04.2016. URL: www.nrk.no/norge/slik-vil-regjeringen-stramme-inn-asylpolitikken-1.12885077 (дата обращения: 15.04.2016)

12. Norway wants more migrant workers. The Nordic Page. 27.12.2013. URL: www.tnp.no/norway/panorama/4207-norway-want-more-migrant-workers (дата обращения: 12.04.2016)

13. Staalesen A. Unemployment looms // BarentsObserver. 01.09.2015. URL: www.barentsobserver.com/en/society/2015/09/un-employment-looms-01-09 (дата обращения: 03.08.2016)

Список литературы и источников

1. Зайков К.С., Тамицкий А.М. Межнациональные отношения в Российской Арктике: Состояние и перспективы // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2015. № 5. С. 46.

2. 40 % young non-Norwegian women neither study nor work / The Nordic page. Norway. 03.05.2016. URL: www.tnp.no/norway/economy/5253-40-young-non-norwegian-women-neither-study-nor-work (дата обращения: 16.07.2016).

3. Immigrant crime in Norway and Finland // Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention, 2014, no. 15(2), pp. 107–217. doi: 10.1080/14043858.2014.926062.

4. Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 3(74). URL: www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2014_3/Kostenko_2014_3.pdf (дата обращения: 18.06.2016).

5. Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Sami in the history of norwegian-russian borderland: factor of tension or regional integration // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 37(3). С. 519–535.

6. Нильсен Й.П., Зайков К.С. Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к поморской зоне // Арктика и Север. 2012. № 5. С. 71–84.

7. Andersson R., Dhalmann H., Holmqvisti E. et al. Housing and Segregation in the Nordic Welfare States. Helsinki: Helsinki University Print, 2010, pp. 127–195.

8. Soholt S., Wessel T. Contextualizing ethnic residential segregation in Norway: welfare, housing and integration policy. URL: blogs.helsinki.fi/nodesproject/files/2010/12/Norway.pdf (дата обращения: 09.05.2016).

9. Kymlicka W. Multicultural citizenship. A liberal theory of minority rights. Oxford: Clarendon Press, 1995. 280p.

10. Tjernshaugen K. Her er fem innstrammingsforslag Listhaug ikke fikk flertall for // Aftenposten. 10.06.2016. URL: www.aftenposten.no/norge/politikk/Her-er-fem-innstrammingsforslag-Listhaug-ikke-fikk-flertall-for-330897b.html (дата обращения: 11.06.2016).

References

1. Zaikov K.S., Tamitskii A.M. Mezhnatsional'nye otnosheniia v Rossiiskoi Arktike: Sostoianie i perspektivy. Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniia RF, 2015, no. 5, p. 46.

2. 40 % young non-Norwegian women neither study nor work / The Nordic page. Norway. 03.05.2016. URL: www.tnp.no/norway/economy/5253-40-young-non-norwegian-women-neither-study-nor-work (accessed 16.07.2016)

3. Immigrant crime in Norway and Finland. Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention, 2014, no. 15(2), pp. 107–217. doi: 10.1080/14043858.2014.926062.

4. Kostenko V.V. Teorii migratsii: ot assimiliatsii k transnatsionalizmu. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii, 2014, vol. XVII, no. 3(74). URL: www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2014_3/Kostenko_2014_3.pdf (accessed 18.06.2016).

5. Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Sami in the history of norwegian-russian borderland: factor of tension or regional integration. Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal, 2015, no. 37(3), pp. 519–535.

6. Nilsen I.P., Zaikov K.S. Norvezhsko-rossiiskoe arkticheskoe pogranch'e: ot obshchikh okrugov k pomorskoj zone. Arktika i Sever, 2012, no. 5, pp. 71–84.

7. Andersson R., Dhalmann H., Holmqvisti E. et al. Housing and Segregation in the Nordic Welfare States. Helsinki: Helsinki University Print, 2010, pp. 127–195.

8. Soholt S., Wessel T. Contextualizing ethnic residential segregation in Norway: welfare, housing and integration policy. URL: blogs.helsinki.fi/nodesproject/files/2010/12/Norway.pdf (accessed 09.05.2016).

9. Kymlicka W. Multicultural citizenship. A liberal theory of minority rights. Oxford: Clarendon Press, 1995. 280 p.

10. Tjernshaugen K. Her er fem innstrammingsforslag Listhaug ikke fikk flertall for // Aftenposten. 10.06.2016. URL: www.aftenposten.no/norge/politikk/Her-er-fem-innstrammingsforslag-Listhaug-ikke-fikk-flertall-for-330897b.html (accessed 11.06.2016).